

ДОПОЛНЕНІЯ ¹⁾.

LV а.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Октябрь 1837.)

Батюшка! На третій день прїѣзда моего въ Римъ получилъ я письмо ваше и отвѣчаю сейчасъ-же. Я вижу, сколько вы беспокоитесь всякимъ замедленіемъ, но еслибъ вы видали, въ какихъ я былъ заботахъ передъ отъѣздомъ изъ Рима, то вѣрно бы простили за нарушеніе письменнаго порядка.

Холера въ Римѣ свирѣпствовала сильно, и отъ того болѣе, что правительство заблаговременно не приняло мѣры: умирало по пятисотъ человѣкъ въ день, въ продолженіе мѣсяца. Болѣзнь заставляла убѣгать дѣтей отъ родителей, родителей отъ дѣтей, и только вечерняя огромная колесница двигалась по улицамъ и грузилась мертвыми. Но теперь совершенно все кончилось, и звучные бубны октябрскіе вызываютъ прекрасныхъ на національную пляску: чистое небо, синѣющія горы съ близкими холмами, стройныя пинны и нектаръ скоро заставляютъ забыть римлянку о претерпѣнномъ несчастіи. О, Римъ, въ нѣдрахъ твоихъ прелестей и умереть пріятно!

Пріятно намъ было слышать о почестяхъ, отдаваемыхъ Академіей покойному Лебедеву ²⁾—это новая увѣренность въ необыкновенномъ вниманіи къ намъ правительства. Да здравствуютъ покровители! Получилъ я письмо отъ Общества, но

¹⁾ Помѣщаемые здѣсь письма и отрывки не были въ рукахъ издателя во время отпечатанія первыхъ 22-хъ листовъ.

²⁾ Мих. Ив. Лебедевъ, живописецъ, умеръ въ Неаполѣ, въ іюлѣ 1837 г., отъ холеры.

въ немъ ничего не было, кромѣ векселя; я полагаю, что въ скоромъ времени получу другое, которое вамъ скопирую.

Какъ жаль, что вы не читаете моихъ отчетовъ въ Общество: я тамъ совсѣмъ не просился въ Палестину, потому что мнѣ уже было въ томъ отказано. Но признаюсь, еслибы были способы, то непременно поѣхалъ бы: я ничего не пожалѣлъ бы, чтобы привести картину мою въ возможное совершенство.

Я начинаю вѣрить Брюлло, въ его къ вамъ признательность. Любопытно мнѣ знать, какимъ образомъ будетъ освѣщена академическая церковь, будутъ ли довольны всѣми образами? Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ какъ ваше, такъ и другихъ мнѣніе.

Вы говорите: не стыдно ли русскому вельможѣ, умѣющему отличить хорошее отъ посредственности, отнять все въ сочиненіи моей картины. Отвѣчаю: что разумѣемъ мы подъ именемъ хорошаго и посредственнаго въ искусствахъ? Между лучшими художниками въ Римѣ какъ часто бываютъ споры! Одни не хотятъ смотрѣть на то, что другіе превозносятъ, и обратно. Какъ же теперь не извинить вельможу, и притомъ русскаго, котораго самое воспитаніе не пріучило углубляться?

У кого изъ архитекторовъ Сережа учится? Пустились ли въ дорогу шесть новыхъ пенсіонеровъ?

LVI a.

ВЪ КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

Отъ академика Императорской Академіи Художествъ и пенсіонера онаго ¹⁾ Александра Иванова, покорнѣйшее отношеніе.

Римъ, 20 апрѣля 1838.

Бумага почтеннѣйшаго Общества отъ 22 сентября 1837 г. застала меня въ самомъ томъ положеніи, когда, сообразивъ

¹⁾ Т.-е. Общества Поощренія Художниковъ.

отовсюду собранныя свѣдѣнія и облагородивъ ими воображеніе, я основывалъ на большемъ холстѣ моемъ столь давно задуманное сочиненіе—«Явленіе въ міръ Мессіи». Въ то время я, такъ сказать, забылъ все, меня окружающее, и вмѣстѣ обязанность сейчасъ удовлетворить высокихъ покровителей моихъ и отвѣтомъ, и испрошеннымъ у меня рисункомъ съ производимой картины. Упрекая себя теперь въ таковой не-исправности, я одно только могъ бы привести имъ въ оправданіе: что время, болѣе усовершенствовавъ картину мою, послужило также къ улучшенію и рисунка съ оной. Повергая на усмотрѣніе эскизъ мой, имѣю честь донести высокопочтенному Обществу, что картина моя вся уже урисована, съ легкой оттѣнкой однимъ тономъ, такъ что можно видѣть отчетъ и выраженіе всѣхъ частей ея. Внимательно разбирая мнѣнія знаменитыхъ художниковъ собственнымъ разсудкомъ и вкусомъ, и безпрестанно сравнивая себя съ образцовыми произведеніями лучшей эпохи живописи, я надѣюсь на вѣщшее обработаніе всего начатаго.

Какъ, однакожь, ни лестны похвалы именитыхъ современниковъ къ предпріятію такой рѣдкой задачи, какъ ни отрадно видѣть себя владѣтелемъ такимъ огромнымъ трудомъ и чувствовать увеличивающіяся силы по искусству посредствомъ онаго, но, обращаясь къ способамъ къ дальнѣйшему понесенію его, я вижу себя совершенно безпорнымъ: издержки уже и теперь превышаютъ иногда мѣсячный окладъ.

Сначала я рассчитывалъ много на хорошую плату за копію въ Ватиканѣ, но теперь мнѣ объявлено за нее только 3 т. руб.

Стыдясь трудить о новомъ вспоможеніи высокихъ моихъ покровителей, столь щедро жаловавшихъ меня прекраснымъ пенсіономъ, я не нахожу ничего приличнѣе для себя, какъ, не теряя бодрости, продолжать начатое, доколѣ не издержу послѣднихъ средствъ, отъ васъ еще остающихся.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть, высокихъ моихъ покровителей, всепокорнѣйшимъ слугою

Александръ Ивановъ.

LXX (къ стр. 133).

КЪ ЖУКОВСКОМУ ¹⁾.*Римъ. Марта 15, 1841.*

Письмо это кончалось словами:

«Все это заставляетъ меня теперь обратиться къ вамъ, какъ къ единственному моему покровителю, и всепокорнѣйше просить, дабы вы, представя положеніе мое его высочеству, защитили бы меня въ невольномъ просроченіи, и, если можно, испросили бы у него новой милости на возможность окончить трудъ, составляющій истинное мое наслажденіе.

«Повѣряя всего себя вашему распоряженію, имѣю честь быть, в. п., покорнѣйшій слуга

Александръ Ивановъ.»

Послѣ того слѣдовала приписка: «По порученію вашему...» и т. д. ²⁾.

LXXVa.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Римъ. Октября 6, 1841.

Вслѣдствіе письма Н. В. Гоголя отъ 20 сентября, гдѣ онъ, видя мое крайнее положеніе, рѣшился васъ безпокоить моими дѣлами, я съ живѣйшею радостью слѣдую всѣмъ его совѣтамъ, и во-первыхъ препровождаю къ вамъ письмо къ Государю Наслѣднику, содержаніе коего вамъ уже извѣстно.

¹⁾ Письма Иванова къ Жуковскому, съ обозначеніемъ точныхъ чиселъ ихъ, были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875, т. III, стр. 365—368, съ оригиналовъ, сохранившихся въ бумагахъ В. А.; у насъ они печатались съ черновыхъ набросковъ, поэтому прибавки, сдѣланныя Ивановымъ при перепискѣ на бѣло, не вошли туда и приводятся здѣсь, въ дополненіяхъ.

²⁾ Художникъ сербъ, о которомъ говорится тамъ, назывался не *Станиславичъ*, какъ напечатано было у насъ, а *Станиславлевичъ*.

Я только долженъ присовокупить, что 4 июня сего года (я) просилъ о томъ же Общество Поощренія Художниковъ; но какъ секретарь онаго, г. Григоровичъ (на имя коего было адресовано письмо), при смерти боленъ, то и не думаю, чтобы оно было тамъ читано.

Сознавая себя недостойнымъ таковыхъ вашихъ обо мнѣ стараній, я не имѣю ни силъ, ни средствъ благодарить васъ.

Я постараюсь, по крайней мѣрѣ, настоящимъ трудомъ моимъ сдѣлаться сколько нибудь ихъ достойнымъ.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ всегда готовый къ услугамъ, в. п., покорный слуга

А. Ивановъ ¹⁾.

ПИСЬМО КЪ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ (1841 г.) ²⁾.

Ваше Императорское Высочество,

Всемиловѣйшій Государь!

Вамъ угодно было осчастливить меня принятіемъ моей картины и милостиво пожаловать мнѣ трехтысячный пенсіонъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Гордый въ душѣ симъ высокимъ вниманіемъ и вмѣстѣ мыслю, что картина моя будетъ принадлежать вамъ, Государь, я предпринялъ произвести ее окончательнѣй и отчетливѣй, чѣмъ предполагалъ прежде, и совершеннѣй, сколько можетъ быть совершеннѣй въ границахъ силъ моихъ. Всѣ часы и дни мои были отданы ей, и, послѣ трехъ лѣтъ непрерывной работы, я увидѣлъ съ горестью, что не могъ измѣрить прежде всей огромности труда, невозможнаго быть исполненнымъ въ означенное время. Средства у меня нѣтъ, заняться другимъ не могу: всякая другая работа отвлекла бы меня отъ предмета, наполняющаго нынѣ всю мою душу; притомъ я бы чувствовалъ вѣчный упрекъ на моей совѣсти, еслибы картина не была кончена.

¹⁾ Подъ этимъ письмомъ, какъ оно напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875, т. III, находится приписка о сербѣ Станиславлевичѣ, помѣщенная у насъ подъ письмомъ къ Жуковскому, № LXXX.

²⁾ Просьба эта была написана для Иванова Гоголемъ, и напечатана въ „Современникѣ“ 1858, т. LXXII, отд. I, стр. 130—131. Ср.: Письмо Иванова къ Наслѣднику Цесаревичу, помѣщенное у насъ ниже, подъ № СХLIIIб.

Я принялъ смѣлость прибѣгнуть къ вашему великодушію, Государь, молить о продолженіи мнѣ пенсіона еще на три года, въ продолженіе которыхъ я надѣюсь несомнѣнно, при моихъ непрерывныхъ трудахъ, привести ее къ окончанію. Простите, Государь! Ваше высокое покровительство художествамъ и великодушное поощреніе всего русскаго одни могли внушить мнѣ мысль сію.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія къ особѣ Вашего Императорскаго Высочества,

вѣрноподданный
Александръ Ивановъ.

LXXXIV (къ стр. 151).

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Римъ. Сентября 4, 1842.

Въ письмѣ этомъ, напечатанномъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1875, т. III, оказались слѣдующія вставки, очевидно сдѣланныя Ивановымъ при перепискѣ на-чисто:

1. (Послѣ словъ: «Теперь вся надежда на Общество Поощренія Художниковъ.») Нынѣшній секретарь онаго, Мод. Дм. Рѣзвой, взявшись горячо за мое дѣло, сказалъ такъ: «произведеніе Иванова выходитъ изъ ряду обыкновенныхъ и должно принадлежать къ тѣмъ, коими справедливо будетъ гордиться наше отечество, и потому способствовать къ его удачному исполненію есть благородный порывъ всякаго добраго патріота.» Многіе изъ членовъ того же мнѣнія:» и т. д.

2. (Послѣ словъ: «Напротивъ, я этимъ только и буду утѣшаться всю остальную жизнь.») «Кромѣ того, желаю, чтобы мои соотечественники — художники шли бы той же трудной стезей строгаго ученія; чтобы во всякомъ произведеніи ихъ замѣтна была жажда чистой идеи объ искусствѣ лучшаго времени Италіи; чтобы не бросались они ни въ шуточный жанръ, ни въ акварель, ни въ радужный колеръ, ни въ быстроту эскизнаго исполненія, —заразительныя введенія нашихъ пришлецовъ, ломающихъ

искусство въ способы, чтобы жить со всѣми прихотями роскоши и забавъ, не думая о послѣдствіяхъ и не зная отечества.»

Письмо кончалось словами:

«Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашъ покорный слуга

Александръ Ивановъ.»

LXXXVIIIa.

КЪ МОЛЛЕРУ ¹⁾.

Римъ. Января 2/14, 1843.

Любезнѣйшій Федоръ Антоновичъ!

Получилъ я ваше послѣднее письмо наканунѣ нашего новаго года. Вечеромъ читаль его Н. В. Гоголю — мы радовались. Но въ тоже время Гоголь сказалъ, что онъ видѣлъ Амалію въ окно весьма похудѣвшею: она больна (кашляетъ). Я тоже слышалъ, что она, вспоминая васъ, весьма тоскуетъ, хотя и въ связи съ Орловымъ на тѣхъ же условіяхъ, что и съ вами, но онъ не живетъ у нихъ. Это все равно, потому что влюбленный въ нее Орловъ признался въ своей страсти Шаповалову, взявъ съ него слово отнюдь никому объ этомъ не говорить. Мнѣ онъ, однакожь, не могъ не сказать, потому что между нами ничего нѣтъ тайнаго, а я вамъ говорю здѣсь по той же причинѣ. Орловъ говоритъ, что Амалія когда вспоминаетъ объ васъ, то вздыхаетъ и плачетъ, а меня проклиняетъ. Я встрѣтилъ Амалію въ первый разъ недѣль съ пять назадъ, шедши скорымъ шагомъ, вечеромъ, отъ Гоголя. Она мнѣ закричала въ негодованіи: «Corri, corri! Possi esser scannato» ²⁾. Я смолчалъ. Мѣсяць назадъ я опять ее встрѣтилъ, днемъ, съ матерью и Костанцей, на площади S. Giovanni Laterano, — она мнѣ говоритъ: «Addio, s-re Alessandro, buona sera» ³⁾, а потомъ въ полголоса: «Si ricordera»... ⁴⁾

¹⁾ Письма Иванова къ Моллеру печатаются съ оригиналовъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

²⁾ Бѣги, бѣги! Чтобъ тебя задавило!

³⁾ Прощайте, синьоръ Александръ, добрый вечеръ.

⁴⁾ Попоминашь...

Шедши скоро, я не слыхалъ остальныхъ словъ. Тогда она казалась мнѣ весьма здоровою — онѣ всѣ были такъ разряжены, что я едва узналъ ихъ съ перваго взгляда. Я спрашивалъ Н. В. Гоголя, что теперь мнѣ дѣлать? какъ поступить? Онъ опять говоритъ, что не нужно, чтобы вы прїѣзжали въ Римъ. Всѣ эти подробности я сегодня рѣшился сообщить вамъ. Хорошо бы было, еслибы вы ихъ пересказали зятю вашему Глазенапу, уже знающему ваше положеніе, и просили бы у него совѣта, а я между тѣмъ поразвѣдаю черезъ Луппи и черезъ Шаповалова у Костанцы и Орлова поподробнѣе обо всемъ этомъ, и, если что узнаю, не премину вамъ сообщить.

Признаюсъ вамъ откровенно, что какъ ни важны матеріальныя пособія, доставленныя мнѣ посредствомъ васъ отъ Государя, но безпокойства душевныя едва ли позволяютъ мнѣ пользоваться ими.

Скажите, куда къ вамъ писать? Вѣдь, я думаю, Петербургъ вы скоро уже оставите.

Вамъ душевно преданный

Александръ Ивановъ.

Кланяйтесь моимъ домашнимъ; скажите мнѣ о здоровьѣ моего батюшки, съ такою же откровенностію, какъ я съ вами теперь говорилъ, и разцѣлуйте брата за меня, за его успѣхи по искусству.

ХСП а.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 22 марта 1844.

Пошлите Великанову вексель, или, лучше, попросите отдать за васъ деньги хозяину студіи. Только одинъ Фарина знаетъ, за сколько именно мѣсяцевъ вы остаетесь должны. Великановъ же вамъ и опишетъ, сколько заплатить.

Если вы въ половинѣ іюня рѣшились уже прїѣхать въ Римъ, то, разумѣется, что лучше отказаться отъ студіи во

Флоренціи. Если-жь вы думаете отправиться туда для производства картона, то вы и за десять скудъ въ мѣсяцъ подобной студіи тамъ не найдете. Я съ меньшими способами въ сравненіи вашихъ, да проплатилъ 400 скудъ за два года болѣзненныхъ,—что дѣлать съ несчастной непредвидѣнностью? Впрочемъ, во всемъ ваша воля, а это только мое мнѣніе.

Вещи Серебрякова во Флоренціи отдадите, или поручите взять, Фаринѣ, въ случаѣ, если вы непременно оставите студию. Надѣюсь, что вы не оставите меня безъ извѣстія, что скажетъ Циммерманъ на счетъ моего положенія—это меня весьма занимаетъ.

Адресуйте ко мнѣ письма по старому, въ Кафе Греко. Если-жь вы захотите сказать что-нибудь особенное, то вотъ адресъ еще: Via Porta Pinciana, № 17, secondo piano, alla s-га Cecilia Castelain—я тамъ бываю каждый вечеръ.

Кажется, что дѣла ваши въ Римѣ приняли желаемый видъ: все успокоилось и заснуло. Орловъ совершенно и давно оставилъ домъ горбатой, которая занята была новой задачей — прикрывать беременность Костанцы, которая недавно только начала показываться на улицу, и уже безъ живота. Этотъ секретъ, однакожь, всѣ давно знали.

Бутеневъ все еще не посѣщаль никого изъ художниковъ — все еще онъ живетъ въ локандѣ ¹⁾. Никто въ немъ изъ насъ покуда не нуждался, и потому ничего нельзя объ немъ сказать. При представленіи моемъ къ нему, онъ меня странно озадачилъ вопросомъ: «Вѣдь вы всѣ, господа художники, находитесь подъ особымъ вѣдѣніемъ Кривцова?» Я отвѣчалъ, что казенные пенсіонеры непременно этому подлежатъ. Онъ мнѣ: «Нѣтъ, всѣ безъ исключенія». Я ему: «Можетъ быть, но мы никакого приказанія бумажнаго на это не получали, и потому не знаемъ, въ чемъ состоитъ это вѣдѣніе». Иорданъ не представлялся со всѣми вмѣстѣ, и пришелъ чрезъ нѣсколько дней въ канцелярію, гдѣ Кривцовъ его представилъ Бутеневу, а онъ возразилъ: «Развѣ вы ко мнѣ не представлялись вмѣстѣ съ прочими художниками?»...

При представленіи всѣхъ вмѣстѣ, что было послѣ моего

¹⁾ Т. е. въ трактирѣ.

и Шаловалова представленія, Бутеневъ спросилъ: «Развѣ Иванова и Шаловалова здѣсь нѣтъ?» Все это вмѣстѣ, разумѣется, оттолкнуло всѣхъ насъ отъ него, такъ что я сейчасъ придѣлалъ еще новую задвижку къ своей студіи, такъ что теперь трудно попасть и на лѣстницу.

Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ тоже давно здѣсь, но ни у кого изъ насъ не былъ. Патріоты, выкрашенные образованностію европейскою! Бруни чертитъ картоны для Исакиевской церкви. Горданъ отпечаталъ великолѣпный трудъ свой, и взволновался до лихорадки. Да, въ положеніе гравера мы не можемъ войти. Восемь лѣтъ трудиться, и въ одинъ день узнать всѣ недостатки навѣрное! Пицалкинъ испортилъ доску, травя, и вотъ двухлѣтній трудъ пропалъ ни за что. Такова участь «Вознесенія на небо Богородицы» съ Брюлло.

Казино, или залъ забавъ русскихъ художниковъ, царствуетъ и цвѣтетъ на счетъ ихъ успѣховъ.

Прощайте, кланяйтесь Циммерману, Колоннѣ и Эльсону, съ которымъ пошлите мнѣ чулки и кусокъ сѣти на окно отъ мухъ.

Вамъ преданный

Ивановъ.

С П а.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 12 ноября 1844.

Третьяго дня получилъ я письмо отъ Гоголя. Вотъ что тамъ мнѣ сказано:

«Съ вами ли Моллеръ? Если онъ съ вами, то обнимите его, и попрекните его, что не отзывается ко мнѣ».

Я здѣсь приписываю его адресъ: «Во Франкфуртъ на Майнѣ, Salzwedelsgarten, vor dem Schaumenthor» — такимъ образомъ значить домъ Жуковского, въ которомъ Гоголь вмѣстѣ съ нимъ живетъ.

Вчера получилъ письмо отъ брата изъ Москвы, и вотъ его слова:

«Конст. Андр. Тонъ получилъ Высочайшее повелѣніе ѣхать въ Англію для представленія англійской королевѣ рисунковъ московскаго Кремлевскаго дворца, и съ тѣмъ вмѣстѣ объѣхать всю Европу. Онъ хочетъ проѣхать изъ Лондона въ Парижъ, а оттуда въ Италію, въ Римъ, къ тебѣ, что, я думаю, будетъ въ декабрѣ. Онъ принимаетъ теперь въ тебѣ большое участіе», и проч.

Къ намъ уже утвержденъ Киль. Вчера прибыла сюда бумага изъ Петербурга. У меня что-то сегодня голова начинаетъ кружиться.

У васъ ли еще Чижевъ? Пожалуйста, скажите ему, чтобы онъ поторопился въ Римъ—уже онъ сдѣлался послѣдней необходимостью для меня. Не познакомились ли вы черезъ него съ Наполеономъ во Флоренціи? Что графъ della Porta?—кланяйтесь ему отъ меня. Когда вы думаете пріѣхать въ Римъ? Однакожь, можетъ быть, Киль для вашихъ дѣлъ здѣсь будетъ полезенъ, но только нужно, чтобы вы тутъ были на лицо. А мнѣ ужъ совершенная бѣда приходитъ, потому что я уже съ нимъ имѣлъ самую непріятную штуку.

Пожалуйста, не трудитесь отвѣчать на это письмо, безъ особенной надобности.

Справьтесь у Великанова: не давалъ ли ему Языковъ рисунковъ съ древностей русскихъ, для меня?

Вы были свидѣтелями великой сцены во Флоренціи. Вѣдь, я думаю, что наводненіе было поразительно и ужасно.

Пожалуйста, Чижева-то скорѣе въ Римъ. Черезъ Наполеона хорошо бы Чижевѣ было знакомство составить и въ Римѣ.

Вамъ совершенно преданный

Александръ Ивановъ.

Гоголю я ужъ отвѣчалъ. Объ васъ сказалъ, что вы во Флоренціи, и что посылаю къ вамъ его адресъ, что и исполняю.

СXXXVI а.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ¹⁾.*Римъ, 10 сентября 1846.*

Невинной и высокой душѣ иногда, и даже часто, такъ скучно бываетъ, что она жаждетъ перестать существовать между людьми, непостигающими высокихъ истинъ, между потерявшими свою невинность въ тщеславіи житейскомъ, и, слѣдовательно, сдѣлавшимися гонителями и ненавистниками всего, имъ противоположнаго.

Сегодня, 10-го числа сентября 1846, мнѣ поданъ былъ счетъ хозяйкой. Не помня, сколько я тамъ жилъ, я думалъ, что она хочетъ, чтобы я ей заплатилъ за разстояніе между уѣздомъ въ Помпею и сегодняшнимъ днемъ, и очень этимъ встревожился. Хотѣлъ идти въ «правительство»—подымать на нее Михайлова и Ставассера, тогда какъ, послѣ, сей послѣдній сказалъ мнѣ, что я точно столько дней здѣсь живу, сколько поставлено въ счетъ. Я успокоился, пришелъ по старому въ себя, и записалъ этотъ фактъ моей жизни, чтобы знать, къ какой глупой тревогѣ я способенъ.

СXLIII а.

КЪ ГЕРЦОГУ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКОМУ ¹⁾.*(Римъ. Весна? 1847.)*

Полное довольство Государя Императора моимъ трудомъ и крайняя моя бѣдность ²⁾ подали мнѣ случай просить его вспомошествованія, для окончанія моего огромнаго предпріятія, представляющаго ту минуту, когда Іоаннъ Креститель, приведя къ раскаянію всѣ сословія людей, указываетъ имъ

¹⁾ Получено отъ кн. О. С. Щербатова.

²⁾ Прежде Ивановъ написалъ: „и милостивое его ко мнѣ вниманіе“, но потомъ зачеркнулъ эту фразу.

грядущаго Спасителя ¹⁾. Картина—вышиною 7, а въ ширину—10 аршинъ.

Прошлаго года, сентября 27, мнѣ прочитана была бумага въ посольствѣ римскомъ, со врученіемъ векселя въ 5 тысячъ рублей ассигнаціями и съ обязательствомъ подписать бумагу, чтобы кончить картину въ годъ.

Подписавъ такое требованіе, я вполне былъ увѣренъ, что агенты ²⁾ здѣшніе совершенно (подчинены) будутъ вашему высочеству, какъ главному начальнику и покровителю всѣхъ русскихъ художниковъ.

Я скорѣ захворалъ, и такимъ образомъ не занимался производствомъ (картины) полгода. Но такъ какъ агенты римскіе потребовали съ меня росписку, не въ состояніи (будучи) понять ни меня, ни моего труда ³⁾, то я и прошу покорнѣйше особаго покровительства вашего высочества, какъ образованнѣйшаго президента Академіи, дабы вы благоволили позволить мнѣ доставить обратно помянутыя пять тысячъ до совершеннаго окончанія моего труда. При безденежьи трудно художнику совершить важныя предпріятія, однакожь все легче, чѣмъ мучиться и изнывать.

Горестное... ⁴⁾.

~~~~~

СХЛІІІ б.

КЪ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ ⁵⁾.

Римъ, 4 іюля 1817.

Ваше Императорское Высочество,
Всемиловѣйшій Государь!

Благодаря пособію, милостиво оказанному мнѣ въ бытность вашу въ Римѣ, я довелъ картину мою до такой степени

¹⁾ Сперва было сказано просто: „предпріятія, представляющаго первое явленіе въ міръ Спасителя“.

²⁾ Сперва было написано: „эксекюторы“.

³⁾ Прежде Ивановъ написалъ: „ни художнива, ни его трудовъ“.

⁴⁾ Въ черновомъ наброскѣ конца нѣтъ.

⁵⁾ Нынѣшнему Государю Императору. — Письмо это выписано нами изъ дѣлъ Академіи Художествъ.

пени, что самъ Государь Императоръ, посѣтивъ мою студию, удостоилъ меня своей Высочайшей благодарности, подтвердивъ ее еще разъ, увидя меня въ своихъ покояхъ.

Крайняя надобность въ способахъ для окончанія моего труда вызвала меня воспользоваться симъ счастливымъ случаемъ—испросить восемнадцать тысячъ рублей ассигнаціями на совершенное его окончаніе. Бумагу мою отправили на разсмотрѣніе въ Академію Художествъ, которая, не видя во мнѣ спѣшнаго производителя, отказалась за меня ходатайствовать, и все кончилось врученіемъ мнѣ пяти тысячъ рублей ассигнаціями изъ канцеляріи посольства нашего въ Римѣ, съ тѣмъ, чтобы непременно кончить картину въ одинъ годъ, срокомъ къ октябрю текущаго года.

Такой жестокій оборотъ дѣлъ моихъ заставляетъ меня прибѣгнуть къ вашему великодушію, Государь, молитъ васъ о содѣйствіи—предупредить угрожающую мнѣ напасть, что въ состояніи разрушить мои силы и здоровье до того, что (я) не только никогда не буду въ состояніи окончить моего настоящаго труда, всей душой любимаго, но и впредь ни къ чему уже не сдѣлаюсь способнымъ.

Простите, Государь: ваше высокое покровительство къ художествамъ и великодушное поощреніе всего русскаго могли внушить мысль сію.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія къ особѣ Вашего Императорскаго Высочества

вѣрноподанный

Александръ Ивановъ.

CXLV a.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Флоренція. Августа 31, 1847.

Софья Петровна Апраксина, вникнувъ въ подробный рассказъ мой о положеніи вашей правой руки, убѣдительно просила меня препроводить къ вамъ адреса двухъ, особенно дѣ-

лавшихъ чудеса въ подобныхъ случаяхъ, что я со всей охотой спѣшу вамъ сообщить, и, вмѣстѣ съ ея высокодобросердечнымъ семействомъ, весьма буду радъ, если сей способъ поможетъ совершенному исправленію вашей руки.

Въ Петербургѣ: купецъ Аверинъ, въ Галерной улицѣ, въ собственномъ домѣ.

Въ Москвѣ: адресоваться къ Александру Христіановичу Штейну, въ Медвѣжьемъ переулкѣ, за Тверскими воротами, въ домѣ купца Борисова,—спросить адресъ той лѣкарки, что выгѣчила дочь г-на Ватейха отъ глазной болѣзни.

Много данныхъ надѣяться, что наши внутреннія художественскія дѣла въ Римѣ примутъ лучший оборотъ. Прощайте, до скорого свиданія.

Васъ глубоко уважающій
Александръ Ивановъ.

СЛІХА.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 14 ноября 1848.

Вы теперь въ семействѣ. Какъ ни горестенъ вашъ ударъ ¹⁾, однакожъ многочисленный кругъ родныхъ, берушихъ равное участіе и вполне вамъ сочувствующихъ, много можетъ облегчить и успокоить васъ. Извѣстіе о пароходѣ, ожидавшемъ васъ въ Чивитта-Веккїи, меня много встревожило, но вы уже, конечно, не долго тутъ останавливались. Орель вашъ живъ, и все еще у васъ. Микеле я вижу часто—онъ доставилъ намъ «Музео борбонико». Я выдалъ ему за первую среду двѣ скуды.

Сейчасъ получилъ отъ племянницы письмо — полиція съ ней дѣлаеть чудеса. Какъ мы оба этимъ ни были встревожены, но, вѣря въ васъ, всѣ чувства наши приходятъ опять въ порядокъ.

Пожалуйста, поторопитесь выручить нашу племянницу

¹⁾ Смерть отца Моллера.

изъ тѣсноты положенія. Все, что вы ни сдѣлаете, все будетъ хорошо.

Вамъ преданный
Александръ Ивановъ

~~~~~  
CLXI a.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 25 Декабря 1848 стар. ст.
6 января 1849 нов. ст.

Насъ не мало изумило письмо ваше отъ 3 декабря. Мы гораздо предъ отъѣздомъ вашимъ отсюда дали, вслѣдствіе законовъ, двѣ копии съ данной вамъ нашей довѣренности, чтобы одну изъ нихъ переслать въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Теперь мы снова сдѣлали двѣ, по вашему назначенію, и вчера же послали, посредствомъ князя Г. П. Волконскаго, къ Бутеневу въ Неаполь, откуда ихъ съ курьеромъ немедленно перешлютъ къ вамъ, а другой экземпляръ въ Иностранную Коллегію—обѣихъ довѣренностей, какъ по имѣнію, такъ и по полученію денегъ изъ Ломбарда. Сестрѣ же нашей сегодня посылаемъ копии съ нихъ, прося ее то же сдѣлать со своей стороны. Трудно представить себѣ, чтобы ея бумаги застали еще васъ въ Петербургѣ, а между тѣмъ истекаетъ уже 6-ти-мѣсячный законный срокъ по смерти отца, послѣ чего все имѣніе можетъ быть продано съ публичнаго торгоу полиціей. Просимъ васъ по крайней мѣрѣ предупредить этотъ ударъ.

Прежде чѣмъ случится вамъ дѣлать капиталъ нашъ, находящійся въ Ломбардѣ, потрудитесь вычестъ изъ него 445 рублей серебромъ, присланные сестрой нашей отцу въ 1847 году, отъ 6 апрѣля, на содержаніе сына ея Льва въ корпусѣ. Были еще отъ сестры присланы деньги—1500 асс. на приданое племянницѣ нашей, но гдѣ они, у ней ли?—объ этомъ вы ее спросите. Если же въ Ломбардѣ, то и ихъ вычтите. Вычтите 3000 руб. асс., оставленные мною; вычтите 2000 рублей асс., оставленные братомъ. Вычтите деньги, въ

три раза полученные племянницей отъ Василя Антоновича, отъ Черныгина и вашей матушки, и 100 рублей серебр., послѣдній разъ данные вами племяннику, а также небольшіе долги, если есть,—квартирныя и другія, могущія еще быть, издержки, и, сдѣлавъ всѣ эти вычеты, изъ оставшейся суммы выдѣлите десятую часть на имя сестры; остальное же раздѣлите на двѣ части въ разные билеты, каждому изъ насъ.

Въ новой довѣренности мы не упоминаемъ о тяжёломъ дѣлѣ Засена: оно не входитъ въ довѣренность по наслѣдству, и, собственно говоря, дѣло только мое. Я далъ Засену 1200 рублей на путешествіе изъ Рима въ Петербургъ. По увѣренію брата, отецъ взялъ 2000 рублей асс. въ видѣ залога, чтобъ ходить по этому дѣлу. Подробностей этого дѣла ни я, ни онъ, мы не знаемъ, но еслибъ можно было его окончить, потребовавъ по крайней мѣрѣ отцовскіе 2000, то было бы уже очень хорошо. Поговорите объ этомъ съ племянницей: можетъ быть, изъ ея рѣчей вы составите вѣрное заключеніе.

Нельзя ли сдать скорѣе нашу большую и дорогую квартиру съ рукъ и расплатиться окончательно съ хозяиномъ? Племянница съ племянникомъ Александромъ, будущимъ офицеромъ, могутъ взять поменьше и продать лишнюю мебель. Если бы можно было сложить къ нимъ картины и рисунки на сохраненіе, до моего приѣзда, то это бы было тоже очень хорошо.

Просимъ васъ взять отъ племянницы наши медали и привезти ихъ сюда, а также и золотую табакерку и медальонъ отца съ портретомъ; перстень же брилліантовый—продать.

Нашей крѣпостной Маринѣ просимъ васъ покорнѣйше дать вольную, не смотря на всѣ упорства племянницы нашей, и все то, что я предполагалъ тутъ,—исполнить. Вообще во всемъ просимъ васъ дѣйствовать полнымъ хозяиномъ. Мы бы даже просили васъ предать огню нѣкоторыя изъ картинъ, какъ наприм. моего «Діогена съ Александромъ», огромную иллюминацію, писанную для Лисянскаго, и двухъ большихъ «Петровъ Первыхъ». Большія же картины лучшаго времени отца: «Бой Усмаря съ печенѣгомъ», «Смерть Кульнева», потрудитесь помѣстить въ залахъ Академіи до моего приѣзда, какъ онѣ и были тамъ до отъѣзда брата Сергѣя за границу.

Микеле я извѣщаль о вашемъ къ нему вниманіи—онъ былъ очень доволенъ.

Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ вамъ преданный
Александръ Ивановъ.

~~~~~

CLXI б.

КЪ МОЛЛЕРУ ¹⁾.

Римъ. Декабря 29, 1848.

Опасаясь, чтобъ послѣднія мои письма изъ Рима не смутили бы вашихъ дѣйствій, я еще разъ теперь пишу къ вамъ, чтобъ вполне подтвердить полную мою довѣренность о уполномоченности распоряженій (вашихъ) въ разсужденіи оставшагося имѣнія нашего покойнаго батюшки.

Племянница если не захочетъ жить съ братомъ своимъ, и если племянникъ не будетъ еще произведенъ въ офицеры, то помѣстите ее къ дядѣ нашему, Егору Ивановичу Демерту, какъ мы прежде сказали. Квартиры для нея и для оставшейся мебели никакъ нельзя оставлять, а равнымъ образомъ и на возвратъ брата Сергѣя ей нечего разсчитывать. Три тысячи, которыя мы ей сообща обѣщали въ видѣ приданого, могутъ быть употреблены вами и теперь на ея нужды и содержаніе, но только болѣе этихъ трехъ тысячъ мы ей не можемъ удѣлить ни теперь, ни послѣ, ни на содержаніе, ни на приданое. Мы очень боимся ея молодости и женской недалковидности, и потому просимъ васъ придумать способъ, какъ ей давать наши деньги, чтобы онѣ не могли быть издержаны всѣ въ одинъ мѣсяць.

Здѣсь выставляю, къ свѣдѣнію вашему, нѣсколько словъ изъ письма сестры нашей Катер. Андр., изъ Севастополя:

«Любезные братья мои, увѣдомляю васъ, что въ числѣ находившихся у батюшки денегъ были посланные мною четыреста сорокъ пять руб. серебромъ, на плату за сына моего

¹⁾ Къ нему же, какъ видно, было адресовано и письмо № CLXI, напечатанное у насъ, на стр. 260, какъ „Къ неизвѣстному“.

Льва, по 160 руб. сереб. въ годъ, въ корпусъ,—это было въ 1847 году, отъ 6 апрѣля. Потомъ посланы были тысяча пятьсотъ руб. ассигнаціями, въ пользу моей дочери Катюши. Нынѣшній же разъ, по причинѣ смерти батюшки и запечатанія всего, я вынуждена была выслать для уплаты въ корпусъ слѣдующія въ октябрѣ мѣсяцѣ деньги отсюда вновь»¹⁾.

Мы со своей стороны ей тоже объявили, что каждый изъ насъ предъ выѣздомъ своимъ въ чужіе края оставилъ: я—три тысячи руб. ассигнаціями, братъ Сергѣй—двѣ тысячи ассигнаціями, чтобъ положить въ Ломбардъ, и потому, за вычетомъ этихъ ея и нашихъ суммъ, мы васъ просимъ весь капиталъ раздѣлить на три части, т.-е., сестрѣ отдѣливъ десятую часть по законамъ, раздѣлить пополамъ капиталъ такъ, чтобъ братъ Сергѣй могъ взять свою часть, когда ему понадобится.

Вчера я имѣлъ удовольствіе слышать вѣсти объ васъ отъ Елены Николаевны Раевской—жду отъ васъ письма съ нетерпѣніемъ. У васъ въ студіи все въ порядкѣ: орелъ живеть, Микеле получаетъ каждую среду по двѣ скуды.

Я вамъ писалъ о Сорокинѣ, но такъ какъ письма могутъ и пропадать, то я здѣсь опять повторяю мое письмо:

Онъ дѣлалъ на конкурсѣ вмѣстѣ съ Константиномъ Григоровичемъ, а такъ какъ у него была весьма замѣчательная программа, то Василій Ивановичъ Григоровичъ далъ Сорокину мѣсто внутри Россіи, съ тѣмъ, чтобы не выставялъ своей онъ картины.

О Сорокинѣ я давно слышалъ, что онъ имѣетъ способности, какими никто еще не былъ надѣленъ изъ учившихся въ Академіи. Узнайте и справьтесь, пожалуйста, обо всемъ этомъ у его роднаго брата и Маркова. Сами согласитесь: если все это, что тутъ сказано, правда, то уже величайшій подвигъ со стороны вашей будетъ, если Сорокина выручить изъ тьмы мірскихъ выгодъ на свѣтъ Божій, въ Римъ. Что касается до меня, то я готовъ тутъ употребить деньги на его путешествіе и первую его здѣсь обстановку.

¹⁾ Приписка Иваноу сбоку: „Такъ какъ мы объ этихъ деньгахъ никогда ничего не знали, то просимъ васъ выспросить объ нихъ свѣдѣнія отъ племянницы, а особливо о посланныхъ въ ея пользу“.

Судя по отзывамъ Капкова, этотъ нашъ талантъ желалъ отдать себя въ жертву своимъ родителямъ и брату, но мы теперь должны видѣть въ этомъ только превосходную душу русскую и не допускать до паденія прекрасныхъ его способностей по искусству. Если онъ согласится жить вмѣстѣ со мною въ одномъ здѣсь домѣ, то тутъ можетъ быть весьма полезная связь между молодымъ историческимъ живописцемъ и мною.

Вполнѣ истинно васъ уважающій
Александръ Ивановъ.

~~~~~  
CLXI в.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ. Января 9, 1849.

Федоръ Антоновичъ! Ввѣривъ вамъ прочтеніе фамиліныхъ нашихъ бумагъ и, слѣдовательно, всѣ тайны нашего семейства, я за необходимое нахожу скопировать здѣсь доносъ племянника Льва на племянницу нашу, Катерину Андреевну, только что вчера нами полученный:

«Любезные дядюшки Александръ и Сергѣй Андреевичи! «Сестра моя не приминула взять всѣ векселя на неизвѣстнаго, которые находились у дѣдушки; забрала всѣ ваши «медали и другія вещи съ намѣреніемъ, что если вы не захотите содержать ее, то она эти вещи присвоить себѣ. Начала жить открыто—женихъ ея Артамонъ Ивановичъ ¹⁾ имѣлъ «у нея постоянное жительство; она купила лошадь, бричку «и ѣздитъ къ Пильману, на минеральныя воды и въ другія «увеселительныя мѣста. Наняла дачу, а между прочимъ «братьямъ своимъ начала говорить, что ей не на что ихъ «кормить по праздникамъ».

Не побрезгайте сальностью поведенія моихъ племянниковъ: это все люди молодые, теперь безъ малѣйшаго пристрастія, оставленные на полную волю ихъ неустроенныхъ характеровъ. Здѣсь нужно только взять мѣры, чтобы племянница не могла промотать намъ оставленнаго имѣнія, и

¹⁾ Весля, англичанинъ.

потому, если можно картины и рисунки от нея отобрать, то было-бы гораздо лучше. Мы начинаемъ подозрѣвать, не прожила-ли она деньги, присланныя нашей сестрой на ея приданое, а равнымъ образомъ и на содержаніе брата ея Льва въ корпусъ? Хорошо бы придумать средства обрѣзать у ней всѣ способы жить въ долгъ, но я не знаю, какъ это можно сдѣлать, не подавая ей ни малѣйшаго подозрѣнія, что мы объ ней дурно начинаемъ думать, ибо это поведетъ ее еще болѣе къ собственному своему распаденію и увеличенію нашего горя. Во всякомъ случаѣ ей скажите, что она будетъ получать не изъ Академіи обѣщанныя ей на содержаніе деньги, а прямо отъ насъ изъ Рима, если будущее ея поведеніе того будетъ заслуживать. Медали наши, золотыя табатерки, золотую цѣпь и брилліантовый перстень немедленно отъ нея возьмите.

Тайна эта останется между мною и вами, ей же изъ этого письма ни одного слова; а приложенное здѣсь письмецо брата отдадите ей, прочитавъ его прежде сами. Замѣтите, какое дѣйствіе на нее оно сдѣлаетъ.

Когда будете имѣть въ рукахъ всѣ наши деньги, то позаботьтесь о Сорокинѣ и потрудитесь сдѣлать все, о чемъ уже я вамъ писалъ.

Васъ истинно почитающій
Александръ Ивановъ.

~~~~~  
СЛХІ г.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ. Января 28, 1849.

Пишу къ вамъ на удачу и не посылаю письмеца изъ Петербурга на ваше имя, которое остается у Михайлова, потому что мы ждемъ васъ сюда скоро, какъ тѣ видно изъ вашихъ же словъ. Второй разъ посланныя наши довѣренности, съ уполномоченіемъ о взятіи билетовъ изъ Ломбарда, — безъ сомнѣнія, уже въ вашихъ рукахъ. Благодарю васъ за

обстоятельный счетъ, въ письмѣ вашемъ изъясненный; все это вы потрудитесь вычестъ изъ нашихъ капиталовъ, какъ мы уже вамъ сказали.

Сами вы согласитесь, что трудно описывать политическое состояніе Рима тому, кто совсѣмъ не имѣетъ времени слѣдить за всѣми изворотами. Русскіе художники столько-же занимаются, какъ и прежде, а съ иностранными я не въ сношеніяхъ, какъ и всегда почти бывало. Сейчасъ читаль печатное воззваніе скульпторовъ къ братскому союзу. Литераторъ все сдѣлалъ въ границахъ взора его, составленнаго изъ прошедшихъ данныхъ, но нужно-бы знать внутреннія чувства самихъ художниковъ и именно тѣхъ, которые имѣютъ деньги.

Микеле мнѣ сказывалъ, что вашъ знакомый пасторъ выѣхалъ въ Неаполь вмѣстѣ съ прусскимъ посольствомъ, и въ одинъ день съ нашимъ. Я опять заглядывалъ къ вамъ въ студию, и нашелъ ее очень исправною. Орель живъ и содержится на тѣ ваши деньги, которыя, какъ говоритъ Михайловъ, остались у Микеле. Микеле здѣсь къ вамъ пишетъ, — онъ обѣщался все вымыть и вычистить къ вашему прѣзду и выкрасить столы. Я продолжаю ему давать каждую недѣлю по 2 скуды.

Вчера Мокрицкій уѣхалъ отсюда въ Петербургъ, сдавъ ваши эстампы и три книги моему брату, что и снесено Микелемъ на вашу квартиру.

Жалѣю, что вы мнѣ пообстоятельнѣе не написали о Сорокинѣ; но онъ на лицо въ Петербургъ, какъ вы говорите; слѣдовательно, разглядѣвъ его труды и поговоривъ съ нимъ, вы все вдругъ порѣшите.

Извините, что я послѣднее письмо мое къ вамъ наполнилъ сальностями, но я всегда надѣюсь въ васъ видѣть особу снисходительную къ слабостямъ природы человѣческой...

Поклонитесь отъ меня Василию Антоновичу и поблагодарите его за то, что онъ меня не забываетъ.

Вашъ усердный слуга

Александръ Ивановъ.

Спѣша на почту, не могъ дожидаться письма Микеле. Вчера вручилъ мнѣ Михайловъ здѣсь приложенное къ вамъ письмоцо.

Января 29.

CLXI д.

КЪ МОЛЛЕРУ 1).

Римъ, $\frac{30 \text{ января}}{10 \text{ февраля}}$ 1849.

Ради Бога, не отдавайте художественныхъ вещей на сохраненіе нашей племянницѣ или племяннику, и вообще дѣло обставьте такъ и на счѣтъ другихъ вещей, чтобъ ничего не было дано ей на сохраненіе, чѣмъ бы она могла отговориться въ случаѣ, если непредвидѣнно мать ее потребуетъ въ Севастополь. До этой мѣры она будетъ получать отъ насъ уже обѣщанные 90 руб. сер. въ треть и жить отнюдь не одна, а съ братомъ своимъ Александромъ, а потомъ, случаемъ, отправится къ матери, гдѣ ей приличнѣе жить, чѣмъ одной въ Петербургѣ, въ случаѣ откомандировки по службѣ ея брата Александра въ губернію.

Изъ этого вы видите, Федоръ Антоновичъ, что мы раскаеваемся въ посылкѣ къ вамъ разныхъ перемѣнъ въ планѣ и сѣзжаемъ на самую первую инструкцію нашу, данную нами лично вамъ въ Римѣ.

Вполнѣ извините насъ: мы здѣсь и безъ того очень безпокойны, а потому желали бы отъ всей души кончить дѣла наши въ Петербургѣ болѣе независимыми отъ могущихъ случиться переворотовъ въ семействѣ нашемъ.

Примите искреннее увѣреніе въ полномъ уваженіи нашемъ.

Александръ и Сергѣй Ивановы.

Микеле вамъ кланяется.

P. S. Самая главная и послѣдняя къ вамъ просьба—по дѣлу нашему, уже столько разъ васъ обезпокоивавшему.

---

1) Письмо это писано рукою Сергѣя Иванова и только подписано обоими братьями.

CLXI e.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 19 февраля 1849.

Послѣднее письмо ваше отъ ^{18 января}_{1 февраля} много насъ встревожило; но теперь, одумавшись, мы уже покорились необходимости. Разница въ томъ, что теперь приходится содержать племянницу не на деньги наслѣдственные, а на наши, которыя мы успѣли составить нашимъ образомъ жизни. Если бы можно было хоть перстень бриллиантовый продать, и этими деньгами доставлять по третямъ содержаніе племянницѣ, это много бы облегчило наше теперешнее положеніе.

Объ одномъ просили бы мы васъ всепокорнѣйше: принять всѣ средства, чтобы племянница не надѣлала намъ долговъ. Русскій человѣкъ, въ совершенныхъ лѣтахъ, при всѣхъ усиліяхъ жить изрядно, едва избавляется отъ сей напасти, а дѣвицѣ безъ всякаго присмотра совсѣмъ не мудрено впасть въ величайшіе пороки. Какъ вы тутъ поступите? Скажете ли хозяину нашей тамъ квартиры, чтобы ей въ долгъ совсѣмъ не вѣрили, или напечатаете въ газетахъ, — все это предоставляемъ вамъ на полную волю.

Нельзя-ли вынуть изъ Ломбарда нашу золотую медаль, или по крайней-мѣрѣ объявить тамъ, чтобы ее не продавали, внесе извѣстные проценты, и объявивъ настоящее положеніе вещей? Золотую табакерку все-таки возьмите отъ племянницы. Приложенное здѣсь письмецо вручите племянницѣ, прочитавъ его сами прежде.

Микеле вамъ приложилъ здѣсь записку.

Прощайте! Благодарю васъ усердно за всѣ труды, какіе вы несете по дѣламъ нашимъ.

Вамъ истинно преданный

Александръ Ивановъ.

CLXI ж.

КЪ ПЛЕМЯННИЦЪ.

Римъ, 19 февраля 1849.

Любезнѣйшая племянница,

Катерина Андреевна!

Вы, какъ видно изъ письма вашего, отъ 10 января, на насъ разсердились, а мы все-таки продолжаемъ быть тѣми же, что были, и хотя дѣла наши приняли видъ застоя, а слѣдовательно и денегъ у насъ совсѣмъ еще не можетъ быть, однакоже способы на содержаніе ваше мы стараемся приобрѣсти, и вотъ теперь же просимъ Федора Антоновича продать перстень, чтобы доставить вамъ третнюю, нами уже обѣщанную, плату. Изъ академическихъ же денегъ брата тогда только и можно-бы было выдавать, еслибъ уже деньги наслѣдства находились въ рукахъ нашихъ. У меня же денегъ едва-едва достанетъ на окончаніе моей картины, въ жертву которой я приношу всю мою жизнь.

Если вы опять соберетесь къ намъ писать во встревоженномъ положеніи духа, то адресуйте письмо ваше на мое имя, а не на брата.

Съ полной довѣренностью въ ваши для насъ услуги
остаюсь васъ любящій

Александръ Ивановъ.

~~~~~  
CLXI з.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 12 апрѣля 1849.

Крайне сожалѣю, что васъ застигли разныя горести. Въ этомъ положеніи, конечно, трудно было вамъ чѣмъ-либо заняться. Съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего втораго письма,

гдѣ будетъ что-нибудь сказано и о моихъ дѣлахъ въ Петербургѣ. На скорый прїѣздъ брата моего въ Россію вы не рассчитывайте, и дѣйствуйте такъ, какъ бы этого совсѣмъ не было. Микеле былъ очень доволенъ полученіемъ 5 скудъ на Пасху. Сверхъ жалованья, я ему передавалъ уже нѣсколько денегъ—болѣе 5 скудъ. Его росписки по сему дѣлу находятся у меня. Ваша студія въ порядкѣ; къ хозяйкѣ квартиры снесу за два мѣсяца деньги на дняхъ. Жену Микеле я не вижу: онъ, кажется, не хочетъ, чтобъ я зналъ его квартиру. За нужное считаю вамъ сказать о положеніи денегъ въ Римѣ: серебра и золота со дня на день становится менѣе. Банкиры и банкъ Боргезе со своими 15-ти скудовыми выдачами—платятъ ассигнаціями: или банка «Romana», или «buoni di tesoro». Размѣнъ этихъ ассигнацій на серебро дошелъ до потери пятой части! А въ трактирахъ и кафѣ иначе не хотятъ слушать, какъ за серебро. Есть мелкія бумажки въ одну и двѣ скуды, но, чтобъ добытъ и тѣ, нужно потерять на каждую скуду 9 байковокъ, и при всемъ томъ,—платя ими въ трактирѣ и кафѣ, все-таки встрѣчаешь неудовольствія. Въ Тосканѣ дѣлается тоже самое. Замѣтьте, что это все растетъ и грозитъ еще большимъ затрудненіемъ, хотя и поговариваютъ, что съ помощію монеты эрозы (мѣдъ высеребрянная), которая уже начинаетъ появляться, будто бы исчезнуть эти бѣдствія. Мы вамъ совѣтуемъ везти сюда изъ Россіи чистаго золота наполеонами или червонцами. Векселя везти гораздо невыгоднѣе: хотя въ Лондонѣ курсъ и необыкновенно высокъ, но страшная здѣсь потеря при размѣнѣ далеко превышаетъ всякіе курсы.

Сдѣлайте милость, увѣдомьте, какъ вы поступили съ деньгами Иордана? Онъ меня, при каждой встрѣчѣ, съ безпокойствомъ объ этомъ спрашиваетъ. Пожалуйста, это не забудьте. Солнцеви тоже вы что-нибудь упомяните въ моемъ письмѣ: онъ тоже хотѣлъ бы знать, въ какой видъ пришли его дѣла, и чего можно надѣяться. Постарайтесь скорѣе продать нашъ брилліантовый перстень, чтобъ выдавать содержаніе нашей племянницѣ; если жъ этихъ денегъ будетъ мало, то уже давайте изъ тѣхъ, которыя вы у меня заняли. Что касается до квартиры нашей въ Петербургѣ, то ужъ это совершенно

предоставляемъ на ваше усмотрѣніе. Разумѣется, за меньшую квартиру можно бы и платить меньше; но это все вы лучше насъ можете обдѣлать, будучи тамъ на лицо. Прошу покорнѣйше прочитать письмо мое къ племянницѣ и немедленно ей его переслать.

Вамъ преданный

Александръ Ивановъ.

~~~~~  
CLXIII а.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 2 іюня 1849.

Хотя вы предъ отъѣздомъ своимъ мнѣ и дали слово, что дѣло мое въ Петербургѣ поставите и отработаете въ самый лучший видъ, но теперь видно, что все это напрасно. Мое и братнее положеніе изъ-за этого рискуеть быть испорченнымъ. По крайней мѣрѣ, прошу васъ не передавать дѣло, въ случаѣ вашего отъѣзда,—*никому*, а отнестись въ Академію, прося отъ насъ ея заступленія.

Желалъ бы еще разъ вамъ напомнить о деньгахъ Иордана; онъ очень беспокоится, что вы ни къ нему, ни ко мнѣ объ этомъ совсѣмъ не упоминаете. Если въ слѣдующемъ письмѣ на это не будетъ отвѣта, то я сочту уже это за знакъ, что долженъ буду выдать ему изъ моихъ здѣсь денегъ всю сумму, у него здѣсь для васъ занятую, что при настоящихъ денежныхъ обстоятельствахъ Рима для меня не мало будетъ обременительно. Солнцевъ тоже проситъ меня о себѣ вамъ напомнить.

Такъ какъ отъѣздъ вашъ оттуда уже удвоился во времени, и самимъ вамъ неизвѣстно, когда вы сюда прибудете, то я просилъ бы васъ прислать мнѣ сюда вексель для уплаты вашему Микеле, хозянкѣ дома, за орла, и другихъ могутихъ случиться для васъ издержекъ. Обстоятельства, въ которыхъ теперь находится Римъ, каждый день подвержены самымъ сильнымъ измѣненіямъ, въ отношеніи денегъ; въ

особенности не лишнее будетъ, если хоть какаѣ-нибудь пристань устроится у банкира. Вчера приходилъ хозяинъ вашей квартиры просить опять денегъ; я отвѣчу, что вамъ написалъ объ этомъ и жду вашего на то разрѣшенія.

Вамъ преданный

Александръ Ивановъ.

~~~~~

CLXIII 6.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ. Юня 27, 1849.

Хозяйка вашей квартиры, недовольствуясь моимъ отвѣтомъ посредствомъ Микеле, еще лично меня просила о выдачѣ ей денегъ, увѣряя, что Микеле менѣе ея имѣеть права на ихъ полученіе. Повторяю вамъ, что весьма не лишнее будетъ, если вы пришлете сюда вексель рублей въ тысячу, на всякій случай, на мое имя.

Парабола бомбъ миновала мѣсто, въ которомъ находится ваша студія, но дѣло осады еще не кончено. Я хотѣлъ свернуть вашу картину и нанять погребъ съ крѣпкимъ сводомъ для складки всего, чтѣ у васъ; но, покамѣстъ, это не нужно. Благодарю васъ за выдачу двухъ третей моей племянницѣ; упомяните—продали ли перстень, и за сколько? Горданъ опять спрашивалъ меня, не писали ли вы чего о его деньгахъ?

Прошу покорнѣйше препроводить къ племянницѣ приписку на оборотѣ, чтѣмъ весьма много обяжете вашего покорнаго слугу

Александра Иванова.

~~~~~

CLXVII а.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Альбано, 20 октября 1850.

Это лѣто я почти все прохвораль въ лихорадкѣ, и до сихъ поръ нахожусь загородомъ, все еще надѣясь хоть кое-какъ докончить начатыя этюды. Ваше письмо отъ 19 сентября очень опоздало отвезти деньги Иордана: братъ мой ихъ давно вынулъ и выдалъ Павлу Александровичу Евстакію. Я Иордана увѣрилъ, что это уже въ послѣдній разъ. Онъ хочетъ писать къ вамъ, и я ему послалъ вашъ новый адресъ. Судя по словамъ Михайлова, который недавно пріѣхалъ изъ Петербурга въ Римъ, Иордана дѣла очень плохи, о чемъ я сердечно сожалею.

К. П. Брюлло въ Римѣ оканчиваетъ портретъ Демидова. Онъ сильно жалуется брату, что никто о его вещахъ ничего ему не говоритъ. На сей разъ я тотчасъ по возвратѣ въ Римъ пошлю съ Микелемъ въ вашу студию старый манкенъ, который остался у меня,—это вѣдь, кажется, манкенъ Брюлло.

Василій Антоновичъ и вы насъ много порадовали окончаніемъ нашего дѣла, за что и васъ, и его искренно благодаримъ. Я бы желалъ изъ моей доли отдать долгъ, состоящій изъ 4000 рублей ассигнаціями, но объ этомъ нужно съ вами прежде поговорить лично—очень не хочется загружать Василія Антоновича новыми комиссіями.

Съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданостію остаюсь къ услугамъ готовый

Александръ Ивановъ.

Пожалуйста, книги не забудьте привезти, о коихъ я васъ просилъ у дилижанса, предъ вашимъ отъѣздомъ изъ Рима.

CLXVII 6.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ. Ноября 14, 1850.

Вскорѣ по полученіи письма вашего отъ 20-го октября я исполнилъ ваше порученіе: съ хозяйки дома получилъ росписку въ 3-хъ скудахъ и Микеле отдалъ—3. Онъ мнѣ показывалъ письмо ваше, гдѣ вы говорите еще о деньгахъ, чтобы вручить ихъ какой-то особѣ, но это такъ все неясно, а въ моемъ письмѣ ничего объ этомъ нѣтъ,—то я, покажѣсть, это такъ и оставилъ. Слухъ здѣсь носится, что Федоръ Эппингеръ умеръ; впрочемъ, я это слышалъ не отъ русскаго. Манкень я съ факкиномъ ¹⁾ и Микелемъ отправилъ въ студию Брюлло. Къ вашему брату, Василию Антоновичу, напишу немедленно, прося его помѣстить въ Коммерческій банкъ наши деньги все мелкими отдѣльными билетами; они ходятъ какъ ассигнаціи въ чужихъ краяхъ,—слѣдовательно, для насъ, путешествующихъ, это будетъ всего лучше. У насъ, кажется, новое будетъ дѣло: это отпускъ на волю дѣвушки, доставшейся намъ по наслѣдству; но прежде, однакоже, надобно справиться—существуетъ-ли она?—чтобъ никого не утруждать напрасно.

Касательно отдачи моего долга, нужно тоже прежде справиться: желаютъ-ли получить сейчасъ его?—что я сдѣлаю немедленно.

Братъ вамъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе.

Желая вамъ совершеннаго выздоровленія, остаюсь къ уslugамъ готовый

Александръ Ивановъ.

¹⁾ Т. е. съ носильщикомъ.

СЛХVII в.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, Декабря 3, 1850.

Микеле меня нагналъ рано утромъ, говоря, что я ему долженъ дать двадцать три скуды, и вручилъ мнѣ ваше письмо отъ 18-го ноября. Прошедшій разъ братъ мой былъ въ страхѣ не получить отъ него данныхъ ему въ долгъ 13 байковъ, но такъ какъ я долженъ былъ дать ему восемь скудъ, то ихъ тутъ же и зачелъ. Отдасть ли вашъ Микеле деньги Аннунціатѣ и будетъ-ли безкорыстенъ въ ихъ отдачѣ?

Сдѣлайте одолженіе, не пишите болѣе къ Микеле о деньгахъ, а прямо ко мнѣ. Вѣдь вы знаете въ какое время мы вступаемъ: „Cattive passioni degli genti fanno un gran progresso ¹⁾—тутъ даже и благовоспитанные люди едва успѣваютъ въ своей свободѣ.

Деньги, однакоже, я отдалъ Микеле, и получилъ отъ него три росписки: первую въ сорокъ, вторую въ восемь и третью въ двадцать-три скуды.

Хозяйка вашей квартиры присылала два раза за деньгами; я къ ней сходилъ сказать, что отъ васъ порученія не имѣю выдать ей изъ моихъ.

Желая вамъ совершеннаго выздоровленія, остаюсь до скорой встрѣчи вашъ покорный слуга

Александръ Ивановъ.

СЛХVII г.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 4 января 1851.

Изъ порученій вашихъ я исполнилъ только самое необходимое: отдалъ Микеле 8 скудъ. Но Шаповаленку просилъ

¹⁾ Худыя страсти людей сильно разрастаются.

выдать его деньгами 5 скудъ, взявъ въ соображеніе мою, очень уже истощенную, кассу, изъ которой если бы пришлось еще разъ платить, то уже былъ бы не въ состояніи. Мы писали къ брату вашему, Василию Антоновичу, о вложеніи нашихъ денегъ въ Коммерческій банкъ мелкими билетами, но не получали еще отъ него на это письмо отвѣта, почему васъ покорнѣйше просимъ, когда будете писать къ вашимъ домашнимъ, то разузнайте: исполнилъ-ли онъ нашу просьбу, и не можетъ-ли онъ всѣ эти билеты прислать къ намъ въ Римъ?—чѣмъ возобновите силы служить вамъ, и поправите наше падающее положеніе.

Изъ этихъ денегъ—оставить только тысячи двѣ рублей ассигнаціями въ рукахъ Василя Антоновича на непредвидѣнные издержки по нашимъ дѣламъ въ Петербургѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь вашъ покорный слуга
Александръ Ивановъ.

~~~~~  
CLXVIII а.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ. Февраля 18, 1851.

Благодаря васъ за немедленное сообщеніе брату вашему о желаніи нашемъ получить въ Римъ деньги, доставшіяся намъ по наслѣдству, я теперь долженъ вамъ сознаться, что уже терплю въ нихъ большую нужду, и потому просилъ бы васъ покорнѣйше возвратитъ мнѣ всѣ, у меня вами занятыя, чѣмъ доставите возможность дожидаться будущихъ денегъ, не прерывая занятій ни моихъ, ни братниныхъ.

Кажется, что всего будетъ двѣсти пятьдесятъ семь скудъ и семьдесятъ байковокъ; впрочемъ, посмотрите это въ вашихъ счетахъ. Не огорчайтесь, сдѣлайте милость за это письмо: трудность положенія моего заставляетъ меня его написать. Отъ Василя Антоновича получили мы прекрасное письмо, на которое немедленно и отвѣчали; но вѣроятно, что вамъ прежде будетъ извѣстно, какъ и когда онъ вышлетъ намъ деньги.

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностью къ услугамъ готовый

Александръ Ивановъ.

Н. В. Гоголь мнѣ писалъ отъ 16-го декабря изъ Одессы, и въ заключеніе своего письма говоритъ: «Если съ вами Моллеръ, обнимите его по-крѣпче и поздравьте отъ меня съ новымъ годомъ». Если пожелаете къ нему писать, то вотъ его адресъ до конца марта: Въ Одессу, 1-й части, 1-го квартала, въ домъ генераль-маіора Трощинскаго.

~~~~~

CLXVIII б.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ, 6 апрѣля 1851.

На послѣднихъ числахъ января мѣсяца мы получили прелюбезное письмо отъ брата вашего Василия Антоновича, гдѣ кромѣ превосходнаго веденія дѣлъ нашихъ, переданнаго ему вами, онъ предложилъ намъ вести еще впередъ нашу тяжбу съ графомъ Потемкинымъ, сочинивъ намъ двѣ бумаги: «Условіе» и «Довѣренность», найдя намъ адвоката, давно ему знакомаго. Видя изъ сочиненныхъ бумагъ, что всѣ заботы и ходьба по дѣлу складываются совершенно съ насъ на адвоката за извѣстные проценты, мы, обрадовавшись, поспѣшили ихъ написать, пославъ сестрѣ съ нихъ копии, тоже для ея дѣйствій. Теперь вдругъ совершенно все это перемѣнилось: Василий Антоновичъ съ настойчивостью пишетъ къ намъ, чтобы мы списали новую бумагу, по приложенному отъ адвоката листу, и прямо на имя Государя, написавъ притомъ другую, которой сочиненіе не приложено; братъ вашъ говорить, что это дѣло чрезвычайной важности, и чтобы сдѣлать намъ его сейчасъ-же.

Кого намъ теперь винить? Видя всегда вашъ домъ самымъ почтеннымъ, мы полагали, что братъ вашъ, разъ избавивъ насъ отъ заботъ знакомымъ ему адвокатомъ, будетъ уже на этомъ стоять крѣпко; но теперь мы становимся въ

положеніе самое непріятное и безпокойное, почему и просимъ васъ покорнѣйше, какъ болѣе насъ знающаго, написать вашему брату о нашемъ недоразумѣніи, прося его принять всѣ мѣры—рѣшительно уничтожить всякое новое притязаніе адвоката насъ безпокоить, указавъ ему на пункты бумаги, нами подписанной отъ 1/13 февраля. Во всякомъ случаѣ, еслибы братъ вашъ осердился, что не сейчасъ по желанію адвоката высланы нами бумаги, то все-таки ему нужно-бы прислать и сочиненіе другой, т.-е. «Свидѣтельства», безъ которой и первая ничего не значить по его-же словамъ; кромѣ того тутъ нужно еще согласіе сестры, какъ третьяго лица по наслѣдству.

Словомъ, теперь, кажется, именно мы къ тому приходимъ, чего очень всегда избѣгали—къ письменному веденію тяжёлаго дѣла въ Россіи изъ чужихъ краевъ. Оно еще болѣе растратится, когда братъ мой уѣдетъ въ Неаполитанскія владѣнія, что будетъ скоро. Сдѣлайте одолженіе, примите всѣ мѣры, чтобы это все пресѣчь: вы вѣроятно успѣете насъ выручить изъ этой язвы.

Денегъ вашихъ не получилъ, а Василій Антоновичъ отдалъ Иордану изъ моей доли 5000 рублей ассиг., съ правомъ мнѣ здѣсь взять изъ его денегъ въ банкѣ Боргезе 1000 скудъ. Иорданъ, какъ кажется, не ѣдетъ прямо въ Италію, и если посчастливится (ему) въ Москвѣ, то тамъ и засядетъ, а потому наши билеты Коммерческаго банка будутъ выжидать лучшаго случая.

Весьма благодаренъ вамъ за рецептъ брату. Но таково-ли наше время, чтобы пускаться на такое важное лѣченіе? Гораздо лучше оставаться теперь полуглухимъ, чѣмъ совершенно оглохнуть. Подождать лучше болѣе счастливой будущности.

Отъ Н. В. Гоголя не получалъ, послѣ того письма, извѣстій. Онъ въ отношеніи ко мнѣ все еще живетъ жизнью 1830-хъ годовъ. Ожидаю, однакоже, его письма черезъ мѣсяць.

Съ глубокимъ уваженіемъ остаюсь вамъ преданный
Александръ Ивановъ.

СЛХVІІІ в.

КЪ МОЛЛЕРУ.

Римъ. Мая 20, 1851.

И этотъ разъ письмо ваше отъ 6-го мая пришло въ одно время съ письмомъ Василя Антоновича, такъ что, читая это послѣднее я отдыхалъ на вашемъ. Благодарю усердно васъ за участіе, какое вы принимаете въ моемъ положеніи. Это еще болѣе, чѣмъ когда нибудь, можно оцѣнить, представляя себѣ наше время, гдѣ всякаго рода бѣды и неудачи строятся со всею тщательностью. Копирую здѣсь письмо мое, только что посланное къ Василю Антоновичу. Кажется, что оно его не раздражить; я, по крайней мѣрѣ, всячески объ этомъ старался:

«Постоянно пребывая въ чувствахъ благодарности за
«всѣ ваши попеченія о нашихъ дѣлахъ въ Петербургѣ
«мы, однакоже, нѣсколько остановились отвѣчать вамъ на
«послѣднее ваше письмо. Видя въ немъ ревность вашу
«къ скорѣйшему содѣйствію окончить дѣло съ графомъ По-
«темкинымъ подачею просьбы къ самому Государю Импе-
«ратору, — мы, послѣ долгихъ разсужденій о всѣхъ послѣд-
«ствіяхъ, нашли необходимымъ вамъ теперь же представить
«на видѣ, что это же самое средство въ настоящую минуту
«можетъ навсегда лишить брата и чужекрайняго ученія, и
«лѣченія. Полагая, что, кромѣ другихъ, эта одна уже при-
«чина достаточна, чтобы не приводить въ исполненіе рев-
«ностный и новый вашъ вызовъ къ скорѣйшему окончанію
«нашей тяжбы, мы вполне увѣрены, что вы убѣдите и са-
«мого адвоката Селезнева въ истинѣ и важности вышеска-
«занной причины, и такимъ образомъ ограничите дѣйствія
«его бумагами, нами подписанными, «Условія» и «Довѣрен-
«ности» отъ февраля 1/13-го сего года. Правда, что, можетъ быть,
«продлится дѣло долго симъ послѣднимъ способомъ; но, съ
«другой стороны, много данныхъ думать, что пріѣздъ мой на-
«лицо (что уже близко) можетъ многое ускорить и улучшить.

«Оба векселя я получилъ; при семъ случаѣ я узнаю—
«сколько стоитъ нашъ рубль серебра на здѣшнія ассигнаціи

«въ настоящую минуту, чтобъ свести вѣрные счеты съ Горданомъ вслѣдствіе выданныхъ ему вами, по моей просьбѣ, 1500 руб. серебромъ. Братъ мой просилъ васъ, черезъ Гордану, прислать ему сюда 2000 руб. ассигнаціями: это бы было весьма кстати, чтобъ выждать лучшаго и вѣрнаго случая о пересылкѣ сюда обѣихъ нашихъ долей, разумѣя тутъ вычетъ всего, что передано въ разное время племянницѣ, другихъ разныхъ издержекъ и суммы, какую вы благо-разсудите оставить для будущихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ по нашимъ дѣламъ.

«Что касается до картинъ, то, какъ я уже вамъ говорилъ въ предпоследнемъ письмѣ, что лучше ихъ оставить без-продажными въ нанимаемой вами комнатѣ. Мой пріѣздъ все разрѣшить и васъ избавить отъ всякихъ заботъ, за которыя постоянно и всегда мы пребываемъ къ вамъ въ чувствахъ истинной благодарности».

Изъ сего вы видите, что счеты наши съ вами должны, во-первыхъ, выйти отъ Василія Антоновича. Я къ этому прибавлю, что племянница, сколько мы ее ни просили, никакъ не хочетъ намъ дать полнаго отчета—сколько денегъ она переплатила изъ вашего долга. Я только одно вамъ тутъ долженъ припомнить, что вы дали племяннику Александру 100 р. сер. при выходѣ его изъ корпуса, что, конечно, вычтеть Василій Антоновичъ изъ нашихъ двухъ долей, когда сведетъ полный счетъ. Я, однакоже, на всякій случай здѣсь выпи-сываю и тотъ неполный счетъ, что получилъ на дняхъ отъ племянницы. Онъ потому неполонъ, что до 15 февраля 1849 г. въ немъ ничего не упомянуто.

Трети отъ 15 февраля 1849 г. до 15 февраля 1851 г.:

Отъ Федора Антоновича.	Отъ Василія Антоновича.
15 февраля 1849 г.—40 р.	14 февраля 1850 г.—30 р.
2 апрѣля » » 40 »	17 марта » » 30 »
14 іюля » » 40 »	21 апрѣля » » 30 »
20 сентября » » 40 »	26 мая » » 10 »
7 октября » » 20 »	Отъ Гордана
5 декабря » » 60 »	3 іюня » » 50 »
240 р.	14 іюля » » 20 »
	170 р.

	Перенесено	170 р.
3 августа	» »	30 »
15 сентября	» »	20 »
4 октября	» »	10 »
5 октября	» »	50 »

---

280 р.

И такъ всего, впродолженіи двухъ лѣтъ,—520 р. серебромъ.

Я получилъ отъ вашей матушки сумму—258 скудъ, съ вычетомъ изъ нея 50 р. серебромъ.

Только что увижу Ковригина, то и буду говорить о возвратѣ ему росписки, вмѣсто которой останется у меня ваше письмо отъ 6 мая. Жаль только, что тамъ не упомянута сумма, которою вы его ссудили: это нужно бы было для порядка. Я еще получилъ отъ Н. В. Гоголя письмо; адресъ его въ Москву: близъ Тверской, въ Дегтярномъ переулкѣ, г-ну профессору университета Степану Шевыреву, въ собственномъ домѣ.

Братъ мой вамъ свидѣтельствуеетъ свое почтеніе.

Вамъ преданный

Александръ Ивановъ.

СХС а.

ДОКЛАДЪ В. К. МАРИИ НИКОЛАЕВНѢ ¹⁾.

(Римъ. Май 1857.)

Александръ Ивановъ, не будучи казеннымъ воспитанникомъ, учился въ Императорской Академіи Художествъ подъ особымъ присмотромъ отца своего, старшаго профессора исторической живописи Андрея Ивановича Иванова, и былъ от-

---

¹⁾ По этому докладу, вѣроятно, и былъ составленъ кн. Г. П. Волконскимъ, въ маѣ 1857 г., докладъ великой княгинѣ, напечатанный въ «Пчелѣ» 1875 г., №№ 23 и 24. Болѣе существенныя дополненія и измѣненія въ немъ, противъ помѣщаемаго здѣсь, приведены у насъ въ скобкахъ и въ выноскахъ,

личенъ слѣдующими медалями: малой и большой серебряной—за рисунки въ натурномъ классѣ; малой серебряной—за эскизъ; малой и большой золотой—за программы. Въ слѣдствіе послѣдней, какъ самой важнѣйшей, былъ посланъ въ 1830 году въ чужіе края отъ Общества Поощренія Художниковъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ искусствѣ, на четыре года, съ порученіемъ сдѣлать картонъ съ части плафона капеллы Сикстинской (въ Ватиканѣ), что и было исполнено имъ.

Ивановъ ѣздилъ по Италіи, осматривалъ и изучалъ въ небольшихъ копіяхъ всѣ знаменитыя школы 14-го и 15-го столѣтій, началъ картину: «Аполлонъ, Гіацинтъ и Кипарисъ, занимающіеся музыкой и пѣніемъ», которая, однакожь, осталась неконченною. Послѣ долгихъ чтеній Библии, (онъ) замѣтилъ возможность представить въ одно время двухъ протагонистовъ Евангелія въ самыхъ важныхъ ихъ минутахъ жизни: Іоанна, оканчивающаго свое поприще указаніемъ Мессіи, и Христа, показывающагося въ первый разъ для публичной жизни (Еванг. Іоанна I, 29),—сюжетъ сей никѣмъ незамѣченъ былъ изъ великихъ мастеровъ. Но прежде чѣмъ начать столь многотрудный трудъ, онъ выбралъ предметъ только въ двухъ фигурахъ, чтобы извѣдать свои силы въ Италіи: представилъ Магдалину, видящую Христа по воскресеніи (Іоаннъ XX, 15). Четырехлѣтіе истекло; онъ просилъ отсрочки содержанія, на что согласились, и 1835 и 1836 г.г. окончили его «Магдалину». Произведеніе понравилось, представлено было въ даръ Государю Императору (Николаю Павловичу) отъ Общества Поощренія Художниковъ, и Иванову, въ знакъ поощренія, продолжили содержаніе на два года, а Академія признала его академикомъ.

Въ 1837 и 1838 начата была имъ большая (давно задуманная) картина: «Іоаннъ, указывающій Мессію». Въ это время, думая усугубить способы, онъ тоже, по примѣру своихъ предшественниковъ, искалъ для себя заказной копіи въ Ватиканѣ, съ Рафаэля: «Сила, Обузданіе и Благоразуміе»; хотѣлъ и онъ участвовать въ превосходной мысли покойнаго посланника: занимать копіями, со знаменитыхъ стѣнъ, лучшихъ отечественныхъ художниковъ, какъ для усовер-

шенствованія ихъ вкуса, такъ и для передачи въ копіяхъ къ намъ, въ Россію, знаменитостей итальянскихъ, и, наконецъ, служить русскимъ художникамъ помощію, въ способахъ для будущихъ ихъ предпріятій, щедрыми платами. Но не такова была его доля — ему давали 600 скудъ, и онъ остался безъ копій.

Путешествіе Государя Наслѣдника Александра Николаевича въ Римъ, въ 1838 году, его довольство начатой большой картиной, и взятіе ея для себя — доставили Иванову обыкновенное пенсіонерское содержаніе (по 3000 р. асс.) на три года, что, при полученіи вышесказанныхъ денегъ, составляетъ достаточную сумму, чтобы выростать на предпріятіи томъ трудѣ.

Въ 1838 и 1839 получаемъ былъ имъ подарокъ отъ Общества Поощренія Художниковъ, заключающійся въ 300 червонцахъ, и въ то же время предложеніе заняться мелкими картинками въ какихъ-то промежуткахъ времени между большой картиной и присылками этихъ картинокъ для лоттерей, что, по ихъ мнѣнію, могло бы доставить ему способъ продолжать большой трудъ. (Но, посвятивъ все свое время и вниманіе одной мысли, Ивановъ оставлялъ картину свою только для эскизовъ и вообще для собиранія данныхъ, служащихъ ей же необходимымъ матеріаломъ; всякое постороннее занятіе казалось ему помѣхой главному дѣлу.)

Въ концѣ 1839 спрашивали Иванова: куда прислать путейя деньги на возвратъ въ Россію?

Въ 1840 повѣстили и Иванова о новомъ начальникѣ надъ русскими художниками въ Римѣ, съ обѣщаніемъ въ свое время объяснить его права и отношенія къ нему подчиненныхъ.

Въ 1842 Общество Поощренія Художниковъ, черезъ президента своего, принца Лейхтенбергскаго, взялось ходатайствовать у Государя Наслѣдника о продолженіи пенсіона для окончанія Ивановымъ картины, съ убѣдительнѣйшимъ упрямствомъ свѣтскаго человѣка, и совсѣмъ несообразнымъ со значеніемъ художника, — заняться мелкими произведеніями для ихъ лоттерей, въ какихъ-то промежуткахъ времени, чтобы прокармливать большую картину, и въ то же время — высылка ему ста червонныхъ, которые имѣютъ быть вычтены

изъ той суммы, что будетъ назначена Государемъ Наслѣдникомъ (Бумага вице-президента Общества, г. Прянишникова, отъ 22 іюня 1842, за № 587).

Въ 1843 г. онъ получилъ плату за картину «Магдалина», совершенно особымъ образомъ — отъ министра двора Его Императорскаго Величества, состоящую изъ 1500 р. сер.

Въ 1845 году путешествіе профессора (нынѣ ректора) К. А. Тона въ Римъ и донесеніе въ Академію о картинѣ Иванова доставили ему отъ Императора — 300 червонцевъ, съ непремѣннымъ обязательствомъ окончить трудъ по истеченіи года, и возвратиться въ Петербургъ (Дѣла по строенію въ Москвѣ храма во имя Спасителя. Чертежная, 8 мая 1847, № 91).

Въ концѣ этого же года, самъ Государь Императоръ Николай Павловичъ былъ у Иванова въ студіи; былъ чрезвычайно доволенъ трудомъ, благодарилъ еще разъ его въ своихъ покояхъ, и утвердилъ его окончательно. Но потомъ Иванову выдали 1500 руб. сер., съ непремѣннымъ обязательствомъ окончить въ годъ картину. (Но, не смотря на все стараніе художника исполнить Высочайшую волю, картина не была окончена въ назначенный срокъ, частію по причинѣ огромности, частію потому, что не всѣ еще ея подробности были достаточно обдуманы авторомъ. Это невольное замедленіе возбудило противъ Иванова неблаговоленіе начальства.)

Въ 1846 году вице-президентъ Академіи графъ Ѳ. П. Толстой, восхищаясь картиной Иванова, представилъ въ Совѣтъ Академіи о доставленіи ему приличныхъ способовъ къ окончанію труда, на что Совѣтъ Академіи, за подписью принца Лейхтенбергскаго, отвѣчалъ слѣдующее (отъ 26 марта 1846, за № 313): «Академія не можетъ ходатайствовать у Государя Императора о назначеніи вамъ содержанія, хотя бы и желала, ибо милости, вамъ много разъ сдѣланныя, давно должны бы были побудить васъ довершить свое твореніе; но время уходитъ, картина не оканчивается, и вы продолжаете обращаться съ просьбами о пособіи, какъ человекъ, не могущій достать трудомъ достаточной суммы для своего содержанія».

Послѣ всего этого, Ивановъ долженъ былъ продолжать

трудъ на оставшіяся у него кой-какія деньги, а начальникъ надъ русскими художниками, генераль Киль, присылалъ къ нему повѣстку и хотѣлъ бывать у него въ студиі—наблюдать за производствомъ Императорскаго заказа, въ извѣстности котораго до сихъ поръ сомнѣваются ¹⁾.

Въ 1849 году профессоръ и ректоръ К. А. Тонъ предлагалъ Иванову, отъ имени Коммисіи строящагося въ Москвѣ храма Спасителя, написать на парусахъ четырехъ евангелистовъ, приготовить теперь же эскизы для нихъ на разсмотрѣніе Коммисіи и назначить цѣну. Эта важная помощь по мнѣнію архитектора не согласовалась съ мнѣніемъ живописца Иванова, отказавшагося отъ всего на свѣтъ для производства своей любимой мысли, которая требовала всѣхъ его силъ, безъ малѣйшаго развлеченія.

Смерть родителя Иванова доставила ему маленькое наследство—онъ употребилъ его на окончаніе своей картины; но, наконецъ, въ 1856 г. вошелъ въ долгъ, и уже оставилъ совсѣмъ свое произведеніе, всегда требующее значительныхъ издержекъ.

(Огромность картины Иванова—10 арш. $8\frac{3}{4}$ верш. ширины и 7 арш. $6\frac{1}{2}$ верш. вышины—и ея многосложность требовали продолжительнаго времени и большихъ средствъ для ея исполненія; съ годами развивался и расширялся взглядъ художника и на искусство, и на предметъ задуманной картины; все, сдѣланное прежде, нужно было приводить въ уровень съ тою степенью художической зрѣлости, на которую ставили живописца—его неослабный трудъ и добросовѣстное изученіе природы, исторіи и великихъ произведеній искусствъ.)

Теперь, въ 1857 г., Ея Императорское Величество, соболѣзную положенію разстройства глазъ Иванова, пожаловала на излѣченіе ихъ 6000 франковъ ²⁾.

¹⁾ Въмѣсто всего этого, въ докладѣ кн. Волконскаго сказано: «Ходатайство вице-президента Академіи, графа Ѳ. П. Толстаго, о доставленіи ему приличныхъ средствъ къ довершенію картины, не было уважено, и ген.-маіору Киль поручено было наблюдение за производствомъ Императорскаго заказа (Дѣла Мин. Импер. Двора, 30 апрѣля и 21 декабря 1846, за № 176, ш 3 января 1847 г.).

²⁾ Докладъ кн. Волконскаго оканчивается иначе: «Въ нынѣшнемъ 1857 г.

СХСѢІ а.

КЪ Н. Е. МАКУХИНОЙ ¹⁾.*Римъ. Марта 10, 1858.*

Милостивая Государыня, Наталья Егоровна! Пользуясь вашимъ необыкновеннымъ ко мнѣ вниманіемъ, я долгомъ считаю доложить вамъ, что послалъ письмо къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, посредствомъ сына ея, здѣсь въ Римѣ находящагося ²⁾. Тамъ я прошу ее о золотой рамѣ для большой моей картины, имѣющей быть въ Петербургѣ къ 1/13 маю. Въ письмѣ моемъ обозначена мѣра, т. е. сказано: 7 арш. и 6 1/2, верш. въ вышину и 10 арш. и 8 3/4 верш. въ ширину, и ничего больше. Такъ какъ мы съ вами, разсуждая о *фальсахъ*, находили, что не дурно бы было набить планки, съ обоихъ боковъ картины, которыя бы, вмѣсто самой картины, спрятались въ фальсы золотой рамы, то не возьметесь ли вы объ этомъ сказать мастеру, который будетъ дѣлать раму? Черезъ кого и какъ вы это сдѣлаете, не могу себѣ представить; знаю только, что вы меня много этимъ обяжете, за что я васъ и теперь, и всегда буду благодарить.

Еще позвольте мнѣ васъ просить приложенное здѣсь письмо препроводить къ Федору Антоновичу Моллеру, въ собственные руки: не зная, гдѣ онъ живетъ въ Петербургѣ, я рѣшился еще разъ воспользоваться вашимъ расположеніемъ

работы Иванова удостоились благосклоннаго вниманія Императрицы Александры Федоровны и великой княгини Ольги Николаевны. Ея Величество, узнавъ, что здоровье художника въ послѣдніе два года значительно разстроилось, пожаловала ему 1500 руб. на путешествіе въ Германію къ знаменитымъ окулистамъ. Возвратясь изъ этой поѣздки, Ивановъ намѣренъ приняться за окончательную отдѣлку своей картины, чтобы довершить ее въ возможно скорѣйшемъ времени, сколько то позволять ему состояніе здоровья и средства».

¹⁾ Оригиналъ этого письма находится въ Императорской Публичной Библиотецѣ.

²⁾ Вѣроятно, прозекъ этого письма и напечатанъ нами съ черноваго наброска, какъ письмо „Къ неизвѣстному“, на стр. 298—300. По словамъ А. А. Васильчикова, брата княг. Е. А. Черкасской, въ альбомѣ которой сохранился оригиналъ того письма, оно такъ и не было отправлено по назначенію.

ко мнѣ—доставить ему эту записочку, въ которой, однакоже, объ васъ на всякій случай ничего не упоминается.

Примите увѣреніе въ истинной моей преданности.

Александръ Ивановъ.

Супругу вашему засвидѣтельствуйте мое глубокое почтеніе.

